

ВИКТОР
ПОПОВ

ЛЕВИТАЦИЯ

Виктор Попов

Левитация

«Издательские решения»

Попов В.

Левитация / В. Попов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908789-8

Майор Аглая Михельсон успешно расследует незаконную деятельность своих высокопоставленных любовников, но накануне ареста подозреваемых мужчин находят убитыми в ее доме... Загадка двойного убийства. История женщины, которая расстроилась...

ISBN 978-5-44-908789-8

© Попов В.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

21

Левитация

Виктор Попов

Редактор Елена Яковлева

Дизайнер обложки Валентина Михайлова

Дизайнер обложки Александр Привалов

© Виктор Попов, 2018

© Валентина Михайлова, дизайн обложки, 2018

© Александр Привалов, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-8789-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Левитация – подъем человеческого тела с земли,
явно нарушающий закон гравитации.

Британская энциклопедия

Е. Ш.

Глаза убитых широко, будто от удивления, открыты. Тела покоятся на ярко-зеленой траве, усыпанной крупными, густо-желтыми абрикосами. Лужи крови неумолимо ширятся, слегка, в районе бедер покойных, соприкоснувшись краями. Я пристально наблюдаю за начавшимся процессом смешения, пытаюсь объяснить себе удовольствие, которое испытываю.

Эту ночь я провела с одним. Всего несколько минут назад меня покинул другой. Я еще живо и влажно помню его. Но теперь оба вместе, здесь и сейчас. Синий костюм у красных штанов. Сочетание цветов я уловила давно, но всегда думала, что им, «синему» и «красному», читай: Сергею и Диме – никогда вне меня не встретиться. А вот поди ж ты, не прошло и года, в самом деле, года, как все обустроилось. Один к другому. Как пазл. И как же легко, в какие-то секунды все решилось. Я и подумать не успела. Просто расстроилась, что всё так...

Как? Здесь придется искать слово. Трудно определиться. Пошло? Не пошлее, чем у других, да и у меня самой раньше. Банально? Может быть. Но что не банально между мужчиной и женщиной? Все было. Ничего нового. Даже не пытайся быть оригинальной – плагиат неизбежен. Скучно? Вот это вероятнее всего. Если, конечно, понимать под скукой безысходность. Служба, профессиональный долг тоже да. Куда без них офицеру. Но скука главное. Да, в какой-то момент мне просто стало скучно. Хотя какая тут казалось бы скука. Внешне очень даже интересно. Кто-то из особо банальных сказал бы даже «захватывающе». Но двое мужчин и одна женщина, как не верти, не выдумывай, действительно скука смертная. А если они еще и дерутся за тебя – совсем зевай не хочу. Я и зевнула пару раз, наблюдая, как они мяли друг друга, неумело и, прямо сказать, смешно. Все эти метровые замахи, псевдобоксерские скачки на месте, попытки ударов ногами и угрозы, угрозы, куда уж без них! Причем чем дальше, тем больше слов и меньше дела. Да и слова из-за обоюдной отдышки трудно было разобрать. К концу «сражения», когда они все-таки сцепились, а я отлучилась на время в дом, слова превратились у каждого в одно длинное, непереводимое междометие, впрочем, с явно угадываемым проклинающим смыслом. И если «красный», пусть и с трудом, еще пытался формулировать, то «синий» к исходу третьей минуты борьбы в партере перешел на ошметки слов, непрерывно ойкая, пфукая, ахая, тыкая, сукая...

Что ж, словарный запас «синего» всегда оставлял желать лучшего. Он как министр экономики и торговли края хорошо считал и видел, а вот говорил всегда по бумажке, хотя

и немало читал. Любил детективы. И они, видимо, в благодарность дали ему в последние дни жизни почувствовать себя их частью.

«Красный» – другое дело. Читать не любил. Но пресс-секретарь губернатора мог бы и в такой ситуации слова подобрать. Правда, поначалу, еще при первой встрече, отказ от каких-либо слов придал его поведению аромат свежести. Я хорошо помню околорассветную росу автомойки, на которой мы встретились. Его крученые, хипстерские усы, кольцо с рубином и точно такие красные треники, которые он с завидным постоянством надевал вне работы. У него их был целый, почти дамский, гардероб. Пара дюжсин, не меньше. И это только то, что я видела. Обтягивающие и прямые, с завязками и пуговицами, походные, с мелкими кармашками по всей длине и аскетичная классика. И, наконец, цвета, цвета всех оттенков: гранат, малина, томаты, кровь. Его любовь к ним поначалу умиляла, потом бесила, но к сегодняшнему утру не осталось ничего, кроме равнодушного принятия факта. Я поняла: он так и будет приходить в них. Он так и будет хранить память о нашей первой встрече. Он так и будет едва приспускать их, как и тогда на заднем сиденье его свежесвымытого лексуса. Он так и будет кричать и материться в самом конце, не замечая, что я в отличие от той минуты, давным-давно молчу и, если и закрываю глаза, то чтобы не видеть его лица, искаженного мукой радости.

Так было и сегодня. Но теперь уже никогда не будет. Не будет как детства, гораздо более далекого, но точно так же уже невозможного, в котором меня провозжали и встречали из школы до пятого класса. Школа была в соседнем доме. Но утром меня отводили туда за руку, а после уроков я выходила на порог и ждала. В хорошую погоду спускалась вниз. Делала несколько шагов, но тут же возвращалась. Я до сих пор не знаю, что меня тогда удерживало. Быть может, как раз то, что дом находился так близко. Провожала мама. Редко – папа. Встречали сестра или няня. Между ними было почти 60 лет. Но одно объединяло их: за четыре года они ни разу не пришли вовремя. Так опекали кроме меня немногих. И только тех, кто далеко жил. Потому я была предметом школьного и семейного юмора. В школе говорили разное. Уже и не вспомнить, что именно. Но вряд ли что-то хорошее. Дети наивны, но жестоки. А вот семейное помнится. Сестра называла меня «домашней птичкой». Мама и няня «папиной дочкой». Папа... молча улыбался. Это он не разрешал мне ходить одной.

Но 1 сентября в пятый класс я пришла в школу одна. Одна и вернулась. Так решил старший брат отца, тогда еще подполковник. Он сказал:

– Аглая, иди...

И я пошла. Дядя уже знал, я – нет, что теперь так будет всегда...

Он знал, что родители с сестрой далеко, в абрикосовом саду. Туда выбросило автомобиль с шоссе в момент аварии. Меня в тот август не взяли к морю. Я отравилась йогуртом. Две недели рвоты, таблеток и уколов. Я плакала от обиды, жалела себя и мечтала рассказать семье о том, как мне было плохо. 3 сентября, когда всех троих привезли, я так и сделала. И они выслушали меня до конца. Только ничего не ответили. Смерть молчит и не опаздывает.

СРЕДА

Пальцы Аглаи напряженно сжимали и разжимали черные шелковые простыни. Голова Сергея ритмично двигалась между ее раскинутых ног. Идеальное тело Аглаи выгибалось дугой от сладкого напряжения. Хорошее начало дня. Идеальное для девушки в двадцать пять лет.

Раннее утро. Чуть за рассветом. Сергей всегда приезжал по утрам. Ни днем и не вечером. И уж, конечно, не ночью. Только утром. Встреча с Аглаей – как зарядка. Как детский утренник. Обожаемая ею странность: приходить к женщине по утрам. Иногда по выходным Сергей оставался на весь день. Но на ночь никогда. Ей даже начинало казаться, что он боится темноты. А что? Вполне себе версия. Мужчины – дети. Даже большие и важные – дети. Они боятся жизни больше женщин, только лучше их это скрывают. Так принято. Только и всего. Потому

Аглая никогда не видела Сергея спящим. Даже просто закрывал глаза он редко – держал все под контролем. Одно слово – министр. Ну, может быть, только в подобные моменты Сергей не видел, что происходит вокруг, называя их «погружением в начало мира». Да, он любил живопись – она не требовала слов вообще. Курбе с его немудреной провокацией в частности. В Париже Сергей бывал в музее Орсе. Обещал как-нибудь отвести туда Аглаю. Обещал...

Аглая через голову Сергея в нескладный раз обзревала свое небедное незамужнее жилье. Первый этаж небольшого, но дорого сделанного двухэтажного особняка. Большая однокомнатная студия, оформленная в минималистическом стиле. Белые стены с черно-белыми фотографиями и офортами. Район кухни выделен необработанной краснокирпичной кладкой. Минимум предметов. Черный кожаный диван, стеклянный обеденный стол и несколько дизайнерских металлопластиковых стульев, один из которых был занят роскошным темно-синим пиджаком. Король утренника. На кухне за короткой барной стойкой на двух вращающихся высоких стульях расположились не менее роскошные галстук и рубашка. На стойке ваза с букетом алых, в цвет ее маникюра, роз – и здесь живопись, живопись!

На полу черное женское нижнее белье, темно-синие брюки, белые мужские трусы. Один носок на полу, другой на кровати – высокий, с полметра, матрас на приподнятом в районе спального места полу, – распластавшись на которой голый Сергей будто искал что-то там, в «начале мира». Даже в таком положении он был аккуратен и строг. Ничего лишнего. Одно проверенное в первое же утро движение, в одной верно найденной тогда же точке. В этом он весь. Точное время и строгие костюмы. Выглаженные простыни и приятные запахи. Цветы и подарки. Вообще, если задуматься, он вел себя с ней, как с девушкой с интим-сайта или скучающей от безделья мажоркой-нимфоманкой, а не как с майором безопасности. Впрочем, кто в их городе знал, кто Аглая на самом деле? Очень немногие. И Сергея не было в их числе. Работа такая. Все знали генерала, начальника управления. Прочие сотрудники, за исключением еще пресс-атташе, – тени, которым не полагалось выходить на свет. Каждый играл какую-то роль. В своем мажорско-нимфоманском образе Аглая была более чем убедительна. Сергей ей верил, как чему-то настоящему, подлинному. А он любил все настоящее. От еды до одежды – сплошные бренды. Коллекция галстуков, коллекция винтажного коньяка, коллекция редких ружей. Все разговоры были только об этом. Сергей любил вещи, но, кажется, не любил людей. Он их использовал. И они отвечали ему тем же.

В какой-то момент Сергей оторвался от Аглаи на мгновение и, поверх аккуратно выбритого в извилистую змейку ершика на лобке, вопросительно посмотрел на нее. Он продолжал, нежными круговыми движениями ласкать ее рукой, ведя мокрыми пальцами по животу Аглаи до пупка и вокруг него, оставляя влажные, белесые полоски. Аглая маняще улыбнулась в ответ. Сергей встал на четвереньки и дернулся было вперед, но Аглая остановила его, упиравшись ладонями в лоб и настойчиво давя пальцами на виски, вернула мужчину в «начало мира»...

Спустя час – точно по расписанию – он уехал. Аглая смешала смузи и, перелив сезонную клубнично-абрикосовую смесь в высокий керамический стакан с широкой стальной трубочкой, поднялась на второй этаж. Кабинет с выходом на балкон. Рабочий стол. Дотошно-аккуратно разложенные бумаги. Стеллажи с книгами. Ровные ряды собраний сочинений и сборников законов. Оживляли интерьер кресло-мешок да карликовая сосна в каменной кадке. Впрочем, кресло было выполнено в тех же доминирующих на обоих этажах черно-белых тонах, а дерево при первом взгляде казалось искусственным. Аглая взяла со стола оставленный с вечера лист бумаги. Читая на ходу вышла на балкон. Балкон был полностью застеклен и холодно пуст. Аглая пробежала глазами документ – колонки цифр перемежались отдельными словами – и мельком посмотрела в сторону соседнего дома. Старая, похожая на барак, двухэтажная деревянная дача. Круглая беседка в неопрятном, заросшем саду. Медитирующая в позе Будды девушка. Аглая некоторое время тянула смузи через трубочку и наблюдала за ней. Это наблюдение, как и смузи, было обычной утренней процедурой, но в отличие от напитка девушка

то ли своим спокойствием, то ли вообще занятием, чем далее тем все более раздражала Аглаю. Она вернулась к изучению документа и ушла с балкона.

Последовало обычное ежеутреннее: строгий костюм, юбка чуть выше колена, сумка-сак-воаж, черный Range Rover, автоматические выдвижные двери, медленно закрывшиеся в зеркале заднего вида. Пустая дорога в лесу, плотный поток на загородном шоссе, почти пробка в городе – миллионнику уже положено. По пути сообщение от Димы. Он задал только им двоим понятный вопрос: «Чистая?». «Нет» – ответила Аглая и прошептала беззвучно, читающий по губам понял бы:

– Дима-Димочка...

Закрывая дверь и включая центральный замок, Аглая мельком окинула прилегающие к служебной стоянке площадь и улицу. Утренний час пик. Поток лениво движущихся машин, встречные вереницы людей на широких плиточных тротуарах. Сонные дпэсники на шлагбаумах. Глядя под ноги, Аглая прошла к конторе: мрачному серо-бурому зданию с зеркальными окнами. У дверей вдруг остановилась и обернулась. Три подержанных бюджетных седана – японец, француз и кореец, все в мокрый асфальт – идеально размещались на парковочных местах слева от ее джипа. Перемены здесь редкость. На занятых новичками местах всегда были служебный минивэн, следственного отдела, кажется, и две личные «десятки» с легким тюнингом. Осень, зима, весна – ноль вариаций, и вдруг гляди-ка – новички!

Аглая сжала губы, почти по-строевому развернулась и с усилием открыла массивную старорежимную дверь. На КПП приложила ладонь к сканеру. Привычно бросила взгляд на монитор охраны. Фото. Личные данные: Михельсон Аглая Борисовна. Майор. Департамент экономической безопасности. Отдел по борьбе с контрабандой и незаконным оборотом наркотиков...

Ее кабинет – не дом. Далеко не. Аскетичный, казенный интерьер. Мебель отечественного производителя, кажется, вырублена топором. Плотно закрытые жалюзи. Аглая, несмотря на солнечное утро, не открыла их, а включила верхний свет. Не присаживаясь достала из стола лист бумаги. Какие-то двухцветные, красно-синие графики. Добавила к графикам утренний лист из дома и бегло просмотрела документы. В дверь постучали.

– Да, войдите.

Роман – стажер, классический «ботан-гений», взятый недавно из пиджаков – нерешительно заглянул в приоткрытую дверь:

– Аглая Борисовна, разрешите?

Ну хоть «можно» перестал говорить спустя полгода – уже достижение.

– Что вам, Роман? Вы же сдали графики.

Роман вошел в кабинет и плотно закрыл дверь. И этому научили.

– Я думал, нелишним будет объяснить.

– Я дура?

– Нет, Аглая Борисовна, что вы... Я просто... Я хотел... Я...

– Вы свободны.

– У меня... У меня еще есть информация по поводу языка, который использует Хан и его люди.

– Если это срочно и если это быстро... У меня доклад.

– И срочно, и быстро.

– Три минуты. Хотя... и их нет. Знаете что? Пойдемте, на ходу расскажете. Хотя это и неправильно. Только говорите вполголоса. И без имен.

Аглая первая вышла из кабинета. Роман следом. Говорил на ходу:

– Я проанализировал ряд сообщений, в частности ту часть переписки, которую они ведут на фарси. Мы, если помните, Аглая Борисовна, давали тексты академическим лингвистам,

и они сказали, что это и не фарси, а какая-то подделка под фарси: большое количество искаженных слов и нарушение грамматических конструкций. Ну, будто неграмотный писал. И я тут подумал: а что если фарси только прикрытие для другого языка? И эта неграмотность, она мнимая? И даже намеренная? И еще направление письма. В фарси оно справа налево, как вы знаете, а тут отдельные письма идут наоборот и...

Аглая, будто бы и не слушая подчиненного, свернула и, выйдя на лестничную клетку, приказала:

– Короче.

Роман застыл в дверях.

– Ой, извините, Аглая Борисовна... Я думал вы не пом...

Аглая никак не отреагировала на замечание. Роман догнал ее на втором пролете.

– Я прочитал последнее сообщение Ха... А, да, нельзя... Ну, вы поняли, Аглая Борисовна, *его* сообщение в ночь с понедельника на вторник. Прочитал наоборот, изъяс грамматические ошибки, ну и прочее там по мелочи, изафет и некоторые другие конструкции, и вдруг обнаружилась лексика авестийского, мертвого богослужебного языка парсов...

Аглая вышла в коридор. Роман выбежал следом, поравнялся с ней и продолжил:

– Получился связный текст. Он, правда, уже на третью, китайскую тему. Я подумал, что это не вяжется с языком и человеком, который его использует, но...

– Читайте.

– Да... Вот...

Прочитал по бумажке:

– Ученик мастера дзэн разбил его чашку, редкую и древнюю. Услышав шаги учителя, он спрятал осколки за спиной. Когда учитель вошел, он спросил: «Почему люди должны умирать?». Мастер ответил: «Это естественно. Все должно рано или поздно умереть». Ученик показал осколки и сказал: «Пришло время умереть и вашей чашке...». Я проверил. Цитируется притча №85 из сборника «Сто одна история дзэн».

Аглая остановилась у кабинета руководителя департамента.

– Занятно... Только, что с того? Что наш наркобарон начитанный и образованный дядя, мы и так знаем.

– Ну, это же прямой намек на события понедельника.

– Это притча. Философия. А в понедельник убивали людей. Много людей. И это не философия, а статья 105 УК РФ. Но ваша разработка – это хорошо. Работайте. Если версия подтвердится, для чего требуется весомая подборка текстов, а не одно случайно выбранное письмо, то будет своего рода прорыв. Но знаете... Мое мнение... Как-то всё сложно для данной публики. Они попроще. Жаргон там или просто редкий диалект. А тут... Мертвый язык с изменением направления письма, с намеренными грамматическими ошибками в языке живом... Возможно, просто единичный случай. Или хохма. Или он так проверяет нас. Не усложняйте раньше времени. Но работайте. Графики покажу сегодня. Опять же проще можно было. Ну да ладно, объясню, если что. Притчу оставьте. Есть копия?

– Да. У меня остался черновик.

Роман передал Аглае смятый лист.

– Можете идти.

– Есть.

Еще одно наконец-то выученное слово. Впрочем, тут же нечто из прежней жизни: суетливо, не по уставу кивнул и почти убежал. Аглая взглянула на помятую бумажку с текстом и покачала головой:

– Чистовик...

Вошла в кабинет, расчерченный от пола до потолка на темные и светлые полосы – жалюзи на окнах приоткрыты.

– Разрешите, Кирилл Петрович?

Рано поседевший сорокалетний полковник смотрел на улицу, нажав пальцем на одну из шторок. Со спины и без движения его можно было даже принять за старика, но коллеги, стоявшие с ним в паре на ринге, и молодая, на год младше Аглаи, жена знали, что это далеко не так.

– Да, Аглая, проходи.

Кирилл Петрович обернулся и подошел к столу.

– Присаживайся. Чай? Кофе?

– Спасибо. Завтракала. Режим.

– Режим? А у нас не обедаешь. Где тогда?

– У китайцев. Через площадь.

– Любишь экзотику? – поинтересовался Кирилл Петрович и сел, к удивлению Аглаи, не на свое место, а за стол посетителей, прямо напротив нее.

– Пару месяцев.

– Что вдруг?

– Любопытство.

– Вкусно?

– Разнообразно.

Кирилл Петрович улыбнулся, только он так умел – покровительственно и пугающе одновременно, и сменил тему:

– Ты, я гляжу, все на своей перемещаешься?

– От добра добра... Да, и что мне могут дать?

– А парковка, если где в городе – платишь?

– Как все. И штрафы. Если вдруг.

– Превышаешь?

– Случается.

– Могла хотя бы наши номера взять...

Кирилл Петрович тянул улыбку, кого-то она уже давно бы сбила с толку, но Аглая не изменила выражения лица.

– Ты одна у нас такая. Первое что просят, номера...

– Понятно, допуск в высший свет.

– А ты что же?

– Высший свет не в номерах.

– Дядю своего цитируешь?

– Так точно.

– Помню, помню... Ладно, к делу... Давай, твой отчет. Я вижу, опять в три листа, что у других на двадцать? Как у тебя это получается?

– Тренировка.

– Тут тренировки мало. Тут голову надо иметь особенную. Поделилась бы как-нибудь опытом с некоторыми идиотами. И успеваешь когда все? По дороге, что ли?

– Я не работаю за рулем.

– Да... Прости... забыл... Итак, трафик?

– Больше среднемесячного на 0,8%. Это по героину и синтетике. Легкие – те же цифры.

Колебания в рамках погрешности.

– Направления?

– Южный маршрут. Сезонное. Так будет до осени. Судя по прошлым годам.

– И что наши каспийские друзья в связи с этим думают?

– Был разговор вчера.

– Танцуют?

- Как обычно: вокруг да около. Море штормит, в горах снег...
 - В небе птицы... Те еще работнички... Пограницы что дают?
 - Обычно, 5—7%. По некоторым отрядам 10.
 - Районы?
 - Без существенных изменений. Колебания в пределах 0,3%. За исключением областного центра. Устойчивая тенденция с нового года. Рост 1,5% в месяц.
 - Причины?
 - Сложно понять. Хан залег. Но стрельба в понедельник на нем. Правда, прямых доказательств нет. Он не при делах с февраля. А трафик держится и даже растет.
 - Ну, если бизнес выстроен...
 - Выстроен, но поставки и сбыт заточены на строгую управленческую вертикаль. Ее в теории сейчас не должно быть – глава не при делах. А на деле она есть.
 - Объясни.
 - Решения принимаются все так же оперативно.
 - А если существует что-то вроде руководства на такие случаи?
 - Учебник?
- Кирилл Петрович хмыкнул:
- Методичка... Ты-то что думаешь?
 - Смена хозяина.
 - Ну, не спеши. Такие объемы. Тут годы нужны на передачу дел. Полувековые связи. Ты не родилась еще, как начали строить все. Переделить всё пятью 200-ми не получится.
 - Одиннадцатью.
 - Да хоть сотней. Десятки миллионов на кону. Если не сотни. Нам, сама знаешь, крохи достаются... Сотни пошли бы под нож. И там и тут.
 - Тогда другое.
 - Что?
 - Хан не хозяин. И никогда не был им.
 - Знаешь, Аглая, давным-давно жил один умный человек, Аристотель его звали. И то, что ты говоришь, для него – дурная бесконечность. Кто-то над Ханом. Над этим кем-то еще кто-то. И так далее... Это не решение, а умножение проблем. Впрочем, твоя ответственность. Копай. Но я предупредил. Что-то еще?
 - Это выкладки за последние два с половиной года.
- Аглая передала Кириллу Петровичу лист с графиками. Едва бросив на них взгляд, он поморщился:
- Пфф... Накручено...
- Аглая ожидала такой реакции и пояснила:
- Красные линии – потребление. Синие – транзит. Общий вывод – транзит растет. Акцент делается на переброску туда, а не на продажу здесь. Именно под транзит выстраивается работа оптовиков и даже мелких сбытчиков на уровне районов. Но последнее только в городе на границе.
 - Объяснимо – там дороже.
 - Да, верно, но нашим мелким оптовикам и розничным это все же невыгодно. Есть потери. Тем не менее они упорно гонят товар через вторую границу. И вторая граница, по ощущениям, гораздо более прозрачная, чем первая.
 - По ощущениям или есть факты?
 - Пока по ощущениям.
 - Ну, вот когда будут факты и, главное, люди, тогда и будем обсуждать. Что еще?

– Информация последних минут. Один мой сотрудник буквально перед встречей с вами предоставил разработку языка, который использует Хан для сетевой переписки. Пока на уровне гипотезы, но уже есть результаты.

– Так... И что там?

Аглая коснулась пальцами бумаги, приесенной Романом, она была прикрыта листом с цифрами, но не решилась показать ее в таком виде. Ограничилась словами:

– Расшифровка последнего на данный момент письма Хана. Метод требует проверки. Но текст связный, хотя и странный. Китайская притча.

– Как его зовут, сотрудника твоего?

– Роман Неделин. Младший лейтенант. Технарь. Не кадровый. Стажер. Он с головой, но, повторяю, там нужно проверять. Больно сложно. Используется мертвый язык, эксперименты с грамматикой.

Кирилл Петрович что-то записал на листе с графиками и указал:

– Не делай их глупей, чем они есть. Мы вроде все о Хане знаем. Да? Тридцать лет, с тех времен еще, на крючке. А что ты ему предъявишь? Лично ему? Притчу китайскую? Ладно, что ты так сразу сжалась? Или я не прав?

– Правы, Кирилл Петрович.

– То-то и оно, что прав... Неделин пусть работает дальше. Может, и толк какой будет с этих китайских притч. Все у тебя?

– Так точно.

– Тогда у меня есть предложение.

Кирилл Петрович отложил графики Романа в сторону.

– Оно, собственно, не от меня. От шефа. Приказал озвучить. Для тебя это дело в случае положительного исхода – следующее звание и свой отдел. С дальнейшей перспективой. Проект назначения уже готов.

Аглая вскинула брови, не сдерживая удивления. Кирилл Петрович, заметив его, продолжил:

– Да-да. Я не преувеличиваю. Это чтобы ты знала, каковы твои резоны. Дело коррупционное. Чиновник регионального уровня. Курирует федеральные проекты. Нужно возглавить временный отдел. Неделя-две, может и больше. Но это вряд ли. Сразу вижу, есть возражения?

– Коррупция, хоть это и наш департамент, не мой профиль, Кирилл Петрович. И вот так сразу на регионала... И до подпола мне выслуги не хватит: по минимуму пару лет. Я и майор-то не по годам.

– Ну, о выслуге ты не волнуйся. Служебный год – не астрономический. Он заслугами меряется, а не днями. А что до профиля, то вот именно, Аглая, вот именно – не твой профиль. Понимаешь, нельзя на это дело стандартный отдел пускать. Больно высоки ставки. Не то чтобы они там что-то не так сделают, или я им не доверяю, но тут... Короче, это не моя идея. Было сказано: «нужен свежий взгляд», «иные люди». Твоя кандидатура одобрена. Прочие – даже не ваш, а федералов выбор. Группа будет ждать тебя завтра в 126-й. В 8 утра. Там будет ваша база. Впрочем, работа в основном «в полях». У тебя меньше суток для ознакомления с досье. Человек тебе знакомый. Он всем в области так или иначе знаком. Дела по своему управлению не передавай. Для всех ты на больничном. Но продолжай встречаться с кем-нибудь из управления. Ну, как это обычно бывает... Хотя бы с Неделиным. Тема интересная. А что до основного, то группа, как я уже сказал, подобрана не мной, и даже не здесь, а в центре. Насколько я знаю, людей, работавших ранее строго по коррупции, нет. Кроме, может, одного связанного с финансами. Друг друга не знают. Трое для наружки. Лучшие люди с провинциальных «семерок».¹ В городе они уже несколько дней. Катаются. Изучают. Но пока раздельно. Плюс два технаря.

¹ «Семерка» – седьмой отдел. Курирует службу наружного наблюдения.

Один на прослушку. Другой – связь и интернет. Шестой – тот самый финансист. Общение без имен и званий. Ты – Зеро. Старший в группе. Далее по номерам от первого до шестого. Руководитель наружки – Первый. Так рекомендовали. Прочую иерархию в группе по необходимости установишь сама. О твоём старшинстве все предупреждены. О сути операции и объекте – нет. Это твоя информация. С ней ты придешь. Она здесь.

Кирилл Петрович передал Аглае флеш-карту:

– Копирование информации запрещено. Так же как и работа с картой на устройствах, имеющих выходы в общедоступные сети. Карта не передается во вторые руки. Просмотр информации с группой исключительно на планерке. Не под запись. И еще раз повторяю, общение по именам и званиям категорически не допускается. Впрочем, об этом все предупреждены. Но нелишне будет напомнить. Бюджет операции – свободный лист. Всем заявкам технарей – зеленый свет. Группе переданы три авто. Они на твоей стоянке. Три подряд. Слева.

– Цель операции?

– Периодическое изучение объекта идет с момента его назначения на должность. Работал один человек. Около двух лет. Охватил не все. Наружки не было. Исключительно архивы, базы данных, СМИ. Поэтому есть серьезные временные и пространственные пробелы. Строго говоря, подобное досье есть на всех чиновников 1-го и 2-го класса как федерального, так и регионального уровня. Ты в курсе. Но последняя информация дает основание уделить нашему объекту особое внимание. Речь идет о вымогательстве взятки в особо крупном размере. Информация исходит от господина Дечина. Не мне говорить тебе, что такие люди подобными вещами делятся редко. И если уж он пришел сразу к нам... Дыма без огня не бывает. Твоя задача на первом этапе выявить коррупционную составляющую в действиях объекта. В случае ее подтверждения дальнейшее курирование объекта вплоть до его задержания. Следственный отдел и группа захвата по необходимости подключаются не ранее дня планируемого ареста. Собственно, он проходит уже без вас. Ну, может быть, только в вашем присутствии. Вы сопровождаете объект до самого конца.

– Если объект уже вышел на Дечина с конкретным предложением, зачем наружка? Пусть соглашается, обозначает время и место. И все. Берем с поличным. К чему этот... предварительный досмотр?

– Конкретики пока нет. Полгода разговоры вокруг да около. Но все ближе к теме. Намерения уже обозначены. Может, и в несколько дней все решится. И ты уверена, что объект работает один?

– Я не знаю, кто он. В чем я могу быть уверена?

– Дело не в том, кто он. Дело в его связях. В том числе и зарубежных. С учетом географии региона я бы даже сказал прежде всего зарубежных. Не мне тебе говорить какие времена...

– Трех человек мало для полноценной работы.

– В обычных условиях – да. Но некоторые особенности объекта – его место работы и должность, специфика перемещений по городу – делает трех человек достаточными. Кроме того, Четвертый и Пятый также в работе. Только Шестой в свободном поиске. Но главное в другом: численность группы должна быть минимальной в целях максимальной конфиденциальности.

– Документы прикрытия?

– Спецсвязь. Легенда: проектные работы и анализ состояния беспроводной сети в районе правительственных зданий. Удостоверения выданы. Тебе оно ни к чему. В наружке лично не участвуешь. Впрочем, тут могут быть варианты. Действуй по обстоятельствам. Что же до Дечина, то он сам выйдет на тебя.

– Личная встреча?

– Возможно. Но это крайний вариант. И только когда речь пойдет непосредственно о деньгах. До того момента постарайся сохранить инкогнито. Достаточно контактов с ним твоих людей.

– Кто объект?

– Не вслух. Даже у меня кабинете. Все на носителе.

– Даже так?

– Даже, Аглая, даже... Давай, назовем объект «Слуга».

– Это все не выглядит как предложение.

– А как выглядит?

– Обычно. Приказ. Еще «даже»... Приказ с осложнениями.

– Хочешь отказаться?

– Нет. Что вы? Это честь.

– Знал... Знал, что так воспримешь.

– Только еще один вопрос.

– Слушаю.

– А если Слуга чист?

– Слуга не может быть чист.

– Провокация взятки?

– Исключено. Законно работаем.

– А мы не слишком все усложняем?

– Не слишком, Аглая. И здесь не в сумме дело. Хотя речь и может идти, по словам Дечина, о нескольких миллионах долларов. Последний раз чиновника такого уровня у нас арестовывали шестьдесят лет назад. Был потом еще один. Но он сам все подытожил... Не успели... Говорят, хорошая у него была коллекция ружей... У Слуги она вроде бы тоже есть. Но дело чести не довести до нее, а взять живым и все решить в судебном порядке. Ты меня понимаешь?

В полчаса закрыв вопрос с больничным, Аглая вышла на стоянку. Там все было почти без перемен. Из нового только машина генерала с мигалкой – так он ездил исключительно к губернатору – и группка болтающих поблизости водителей. Аглая завела мотор. Достала выданную шефом карту. Повертела ее в руках. Посмотрела на часы. Решила – потом. Не время нарушать традицию. Убрала карту в сумку, пристегнула ремень безопасности и выехала за КПП. Она не могла слышать разговора Кирилла Петровича с генералом, начальником управления. Да и что бы изменилось в этом случае? Ничего. Игра началась, пути назад уже не было: флеш-карта была у нее на руках...

– Она согласилась?

– Да, товарищ генерал. Я представил все как приказ.

– Зря... Впрочем... Женщина... Может быть, вы и правы...

– Но обозначилась другая проблема. Ее сотрудник, похоже, вышел на Шута.

– Это не проблема. То есть это проблема для данного сотрудника, но не проблема в общем.

– Я понял вас, товарищ генерал.

Автомобиль Аглаи со скоростью пешехода следовал по узкой, с односторонним движением, улочке в центре города. Аглая пропустила на переходе слепого, ведомого собакой-поводырем, задержала взгляд на белой трости, простукивающей зебру, и свернула в переулок, немного погодя въехав на стандартную автомойку с шиномонтажом и мастерской, каким-то чудом вмонтированную в первый этаж старого, начала прошлого века дома. Аглая передала машину мойщикам и вышла во внутренний двор. Остановилась у служебного входа. Она была

настолько погружена в свои мысли, что не заметила, как дверь приоткрылась, и руки в черных перчатках затащили ее внутрь. Дверь захлопнулась.

Человек в шапке-маске тащил Аглаю по узкому коридору, заваленному подсобным инструментом и ящиками. Она тщетно пыталась сопротивляться. В конце коридора напавший свернул в подсобку и закрыл ногой дверь. Развернул Аглаю лицом к себе и отвесил пощечину, да такую, что она упала. Аглая попыталась подняться, но вторая пощечина опять свалила ее на бетонный пол. Напавший поднял Аглаю за волосы, смел свободной рукой остатки дешевого обеда со стола и бросил ее на стол. Заломив руки за спину и придерживая их одной рукой, другой задрал юбку, стянул трусы, порвав их на полпути, вновь задрал опустившуюся было юбку, расстегнулся и грубым, резким движением вставил. Аглая закричала. Напавший повторил движение, оно было похоже на удар. После шестого удара, будто недовольный криками Аглаи, напавший засунул порванные трусы ей в рот, как кляп, и далее уже ничто не останавливало его. Аглая мычала, слезы большими каплями текли по ее лицу. Напавший ускорился и через пару десятков движений с животным рыком кончил. Тяжело дыша, он сделал еще несколько вялых фрикций, отступил к противоположной стене и застегнулся. Аглая достала трусы изо рта и положила их на стол. Заторможенно, словно глядя утюгом, провела по ним ладонью, оправила юбку, развернулась и без сил опустилась на пол. Вытерла слезы и... улыбнулась.

– Шапка... Где взял?

Напавший стянул головной убор и отложил его на стеллаж:

– Сам сделал.

– Шутишь?

– Да реально. Купил, вырезал. Нравится?

– Не успела рассмотреть.

– Повторим?

– Не, Дим. Не сегодня.

– Трудный день?

– Да нет... Просто что-то действительно ценное не должно быть так часто. Разочаруешься...

– Ценное... Мне тут один... мудрый человек книгу посоветовал. Читаю. Там есть притча...

– Ты? Читаешь?

– А что?

– Ты не чтец. Когда тебе? У шефа бумажек-то сколько?

– Много. Но так, отвлечься от всей этой бюрократии. Притча забавная. Якобы ученик спросил мастера дзэн: «Что самое ценное?». Тот ответил: «Голова дохлой кошки» – «Почему?» – «Потому что никто не может назвать ее цену».

Дима засмеялся. Никто никогда, кроме него самого, не смеялся над его шутками. Аглая не была исключением. Она едва заметно улыбнулась:

– Хам.

– Знаю. А ты сука. Конченная сука.

Аглая на миллиметр расширила улыбку. Всё это псевдорэперское суканье Диме не шло. Ни по лицу, ни по голосу, ни по статусу. Но она, как и всегда, подыграла – в сущности, он ведь был прав, – кивнув:

– Знаю.

Потом, стоя в пробке – пришедшей в город приметой иной, столичной жизни, – Аглая безнадежно, с трудом сохраняя спокойствие, осмотрелась, покосилась на планшет. Долго колебалась – правило есть правило – но достала-таки карту, выданную шефом, и вставила в планшет. На карте была одна-единственная папка с десятком разноформатных файлов. Аглая открыла фотоархив. Дождаясь загрузки, еще раз осмотрелась. Промелькнула какая-

то надежда на то, что удастся быстро выбраться. Впрочем, она быстро затухла: просвет был секундным промедлением водителя маршрутки. Аглая вернулась к планшету. Размытое поначалу фото стало ясным – это Сергей. Аглая отвела взгляд на дорогу и не глядя закрыла обложкой кейса дисплей.

Вечером и в ночь со среды на четверг Аглая читала досье. Что-то ела и пила почти не глядя, на ощупь манипулируя вилками и ложками, тарелками и стаканами. Перемещалась с кухни в зал и обратно, меняя стулья на диван и кровать. Буквы и цифры мелькали перед ней обрывками, она улавливала главное, пропуская несущественное:

«Родился в 1965... Окончил экономический ф-т ун-та... В 1989... защитил диссертацию по теме: «Особенности регулирования...» Преподавал на кафедре... Докторская диссертация посвящена макроэкономическому анализу финансовых... Заграничные командировки... Соц-страны... Специалист по вопросам... Изучал хозяйственную специализацию стран и проблемы догоняющего развития... Вел переговоры... Мастер спорта по практической стрельбе... Владелец стрелкового клуба... Жена – бывшая сотрудница министерства, дочь высокопоставленного... Способствовала карьере... Бизнес жены... Фитнес-центр... Здоровое питание... Бренд средств по уходу за... Сеть салонов красоты... Назначен на должность... В правительстве области в частности курирует вопросы взаимодействия с профильными предприятиями региона... Живет в элитном жилом комплексе... 25 этаж... Владеет земельными участками общей площадью... Большая часть является собственностью жены... Сын владеет офшорной компанией, зарегистрированной на Багамских островах...

Глубоко за полночь Аглая, уже лежа на полу, устало отложила планшет, взяла с журнального столика керамический стакан и вместо ожидаемого сока вдохнула воздух через трубочку. Проверила – пусто. Вернула стакан на место и вытянулась на полу. Закрыла глаза.

Воспоминание пришло тогда вспышкой. Яркой, слепящей поначалу вспышкой. Зима. Февраль. Четырнадцатое. Праздник. Глупее не придумать. Сергею нравилась эта пошлость. Я смирилась. Мы на кухне. Наши лица приближаются друг к другу, первыми встречаются высушенные языки, их легкие, трепетные касания переходят в долгий, глубокий поцелуй. Я засовываю язык Сергею в рот. Он плотно сжимает губы. Я вынимаю язык из его рта, веду им по его губам, подбородку, шее и, медленно опускаясь на колени, пуговица за пуговицей растягиваю рубашку, язык скользит по груди Сергея, животу, натывается на брючный ремень. Я растягиваю и его и опускаю брюки на пол. Веду языком по заметно выпуклому гульфику, целую его, глажу рукой, сжимаю, запускаю ладонь в промежность...

На этом моменте той ночью я, тяжело дыша, открыла глаза, но вскоре не в силах сопротивляться закрыла их снова...

Пальцы с алым маникюром движением с боков на ягодичы проникают под резинку трусов и спускают их на пол. Мощные, но уже с возрастным жирком, покрытые густым волосом ягодичы. Они напряжены и медленно, ритмично, с малой амплитудой движутся вперед-назад. Пальцы сжимают, царапают их, оставляя на коже яркие, почти в цвет маникюра полосы...

Память экономна. Остаются только детали. Вот как эти полосы. Как умоляющий взгляд Романа, просящий выслушать. И я выслушала. В тот момент его еще можно было отправить со всем этими языками куда подальше и тем самым, как окажется в субботу утром, спасти, но в среду я дала ему шанс высказаться. А дальше... Дальше всё сложилось в свой пазл, в свою лужу крови, в свой удивленный взгляд... О том же были заметки на полях Кирилла Петровича: пометил Рому, как приговор ему подписал. Но это теперь ясно. Задним числом все умны, только без толку – кровавое озеро ширится. Кровь убитых слилась в единое целое. Быстро. Понятно – не карандаш работал, а ружье. Часть той самой коллекции. Подарок. Только вот честь мундира здесь не при чем...

Легкое чувство сожаления мелькает мимолетной мигренью в виске, но не задерживается как обычно, соскальзывает спазмом в щеку и исчезает никем не замеченной судорогой. Место сожаления тут же занимает раздражение и легкая досада – возможно, я несколько поторопилась. Возможно. Успокаивает и греет мысль о том, что уже ничего нельзя изменить. Следовательно, переживать бессмысленно. Ситуация разрешилась. Да, неожиданно для меня. Я хорошо знала, как это бывает. Но со стороны. Здесь другое. Принципиально другое. И потому я не знаю, как вести себя дальше. Но вот главное понятно отчетливо. То, что тяготило меня последние дни, безвозвратно исчезло. Не надо бояться. Не надо. Теперь ничего не надо. Я и они свободны. Оказывается свобода – это не возможность выбора, а отсутствие необходимости выбирать. Какая простая и ясная мысль. Но сколько сложного и даже страшного необходимо сделать, чтобы к ней прийти, сколько долго, мучительно выстраиваемого нужно сломать, чтобы вот так вдруг всё изменилось. И только ли сейчас все случилось или я и он к этому давным-давно шли, а сейчас просто по случаю новое, доселе неведанное, вышло на поверхность? Давно. С момента знакомства. Костюм ведь и зацепил тогда. Престижный супермаркет. Фруктовые ряды. Не то персики, не то абрикосы. Помог выбрать. Подчинилась. Хотя и не велика наука. Не во фруктах дело. Костюм, костюм... Тошно-официальный темно-синий костюм. Сергей рядился в них почему зря. Всегда и везде. И вот даже сюда, за город в нем приперся, чтобы навсегда здесь именно в этом остаться. Так и хотел, наверное. Ведь и такой, испачканный землей и травой, с полями и рукавами густо пропитанными кровью, он великолепен. Но это если, конечно, отвлечься от прочего. А как отвлечься? Да и зачем? всю жизнь Сергей шел сюда. Вот и сбылось. Предельно официально. Даром что без рубашки – она на мне. А все потому, что нет теории, нет вероятности. Есть последний ход. А он точно такой же, как первый. Сергей был правильным. Правильным и остался. И даже лежит он сейчас правильно. На спине. И с руками, где надо. Никому не надо ничего укладывать. Я повторно, без какой-либо надежды осматриваю ранение – фатально. Подводят глаза. Они широко открыты. Впрочем, и здесь убитый верен себе. Работа такая. Он должен был все контролировать. Вот и теперь Сергей будто продолжает за всем наблюдать, пусть и угол зрения до крайности ограничен, а изменение и расширение его находится далеко за пределами его теперешних возможностей. Но взгляд в небо на то он и взгляд в небо, чтобы заменять собой все прочие.

ЧЕТВЕРГ

Около восьми утра Аглая стояла у приоткрытой двери кабинета с номером 126 и медлила, пристально, как на Рубикон, глядя на табличку. Наконец решилась и открыла дверь на всю ширину. Большая, похожая на просмотровый зал, комната без окон. Белый навесной экран занимал одну из стен целиком. Прочие обиты серой тканью. Посередине овальный стол, за ним сидели шесть человек: пятеро мужчин и одна женщина. Еще в дверях Аглая бросила взгляд на присутствующих: шесть – все на месте. И плотно закрыла дверь. Заняла место во главе стола, лицом к экрану. Достала планшет и флешку, выданную шефом. Открыла файл, положила планшет на стол и прикрыла экран обложкой кейса. Пробежала глазами собравшихся. Знакомых лиц нет. Даже мимолетом ни с кем не встречалась. Представилась:

– Я Зеро...

Это не стало новостью для собравшихся. Слишком по-хозяйски вновь прибывшая вела себя с момента появления в аудитории. Аглая, и не рассчитывая на какую-то особую реакцию, продолжила:

– Для начала переключка по выданным вам номерам. Напоминаю, общение по именам и званиям категорически запрещается. Итак... Первый.

Встал ближайший по правую руку от Аглаи мужчина средних лет в классической – рубашка, куртка, брюки – джинсе. Так выглядят рокеры уже давно распрощавшиеся со своей молодостью.

– Вы старший в группе наружного наблюдения. Все, кроме Шестого, подчиняются непосредственно вам. За вами разработка текущих мероприятий и оперативное руководство. Отчетность два раза в сутки. Утро и вечер. На связь выхожу я. Срочная отчетность – по вашему требованию. Связь со мной для прочих участников группы, кроме Шестого, только через вас. Садитесь. Второй.

В дальнем конце стола поднялся мужчина примерно того же возраста, похожий лицом, фигурой и даже тем, как он лениво вставал, на английского бульдога. На столе перед ним была сигара, которую до появления Аглаи он просто держал во рту, заметно страдая от невозможности закурить.

– Участвуете в наружке в качестве филера-водителя. Садитесь. Третий.

Это сосед Первого. Около тридцати. Тяжелый взгляд человека видевшего смерть и, вероятно, убивавшего. До последнего момента, не глядя на прочих, он крутил в пальцах дорогой швейцарский нож. Уже поднимаясь, отточенным движением сунул его в карман брюк.

– Вы филер-водитель и при необходимости, подчеркиваю, особой необходимости, на вас специальные операции того или иного профиля. Решения о них принимаются мной лично. Садитесь. Четвертый.

Поднялся сидящий напротив Третьего молодой человек одних с Аглаей лет, внешне похожий на хипстера. Глядя в стол, Третий недовольно скривился. Аглая поймала глазами это движение, но вслух только произнесла:

– На вас прослушка. Все внешние записывающие и отслеживающие местоположение объекта устройства. Работаете в паре с Третьим.

Третий изобразил легкую гримасу, но более никак не выдал своего недовольства.

– Третий, обеспечиваете прикрытие Четвертого.

– Есть.

– Садитесь. Пятый.

С грохотом отодвинув стул, приподнялся кудрявый парень, сидевший напротив «бульдога». Он был заметно моложе остальных, почти мальчик. С трудом верилось, что он «кадровый» и из своих.

– На вас мобильная связь и интернет объекта. Работаете в паре со Вторым и с его прикрытием. Разумеется, тесно взаимодействуете с Четвертым. Садитесь.

Пятый с тем же нечаянным грохотом присел.

– Мебель казенную поберегите! – не выдержала Аглая.

– Виноват, – извинился Пятый, начав было приподниматься, но Аглая остановила его:

– Да сидите уже! Шестой.

Женщина, сидевшая напротив Первого. Около сорока лет. Тип Раневской, – так про себя определила Аглая: мудрая и циничная стерва, – родная душа в чем-то...

– На вас финансы и собственность объекта. В наружке, разумеется, не участвуете. Работаете самостоятельно. В тесном контакте с Пятым. Он обеспечивает вам доступ к закрытым базам данных. Подчиняетесь напрямую мне. Ежедневный отчет по требованию. Садитесь. Теперь объект наблюдения... Для оперативной связи «Слуга». Пятый, нужно вывести данные с планшета на экран. Займитесь.

Пятый как можно осторожнее, на этот раз почти бесшумно, встал и направился к просмотровому оборудованию. По дороге попытался взять планшет. Но Аглая болезненно среагировала:

– Отставить! Настройте оборудование. Я сама выведу на экран.

Пятый отдернул руку как от горячего:

– Есть, – и шагнул к просмотровой станции.
– Первый, пока есть минута, обсудим одну проблему. Охрана Слуги.
– Он на балансе кого-то из федералов?
– Нет. Охрана частная. Один человек. Водитель. Он же охранник. Зовут Иван. Для оперативной связи «Прислуга». Он наш, из бывших. На пенсии. Подрабатывает.
– Он снимет нас, как только мы выставимся.
– Вот именно. Ваши соображения?
– Нет проблем. Если он наш, значит, поступит как надо. Это даже лучше, что наш – не будет дергаться. Без гонок обойдемся. Можно будет сразу грубо, на узнавание сработать.
– Согласна. Я, собственно, так и думала, – кивнула Аглая и поинтересовалась у Пятого:
– Что у вас?
– Включено. Можете искать устройство.
Аглая открыла кейс планшета.
– Да, вижу. Займите свое место. Итак, работаем по 290-й пункт 6. Дача и вымогательство взятки в особо крупном размере. Слуга...

Фото Сергея на экране. Аглая задержала взгляд на группе. Приняли к сведению. Нет особой реакции. Видят впервые. Действительно не местные. На экране пошла вереница фото Сергея в различных ситуациях и ракурсах – выжимка из отработанной Аглаей информации. Комментировала вслух:

– 51 год. Министр экономики и торговли области. Доктор наук. Английский и французский языки. Женат. Трое детей. Хронических заболеваний и вредных привычек нет. Мастер спорта по стрельбе. Это здание министерства – место работы Слуги. Для оперативки – «Дом-1». Кабинет на пятом этаже. Со стороны зоопарка. Объект имеет особенность не пользоваться служебным входом. Водитель зачастую ждет на улице поблизости от служебной стоянки. Первый, соображения?

– Поблизости общественная стоянка. Легко разместиться. Тем более что документы прикрытия у нас спецсвязь. Помимо этого в районе есть и другие правительственные здания. Легко сослаться в случае чего. Я думаю, там и выставим GPS. Он же с утра в конторе?

– Да. Хорошо. Принято. Эта элитка место проживания Слуги. «Дом-2». Квартира на 25-м этаже. Дом на двух уровнях охраны. Проникновение внутрь без легализации прикрытия невозможно. Ближайшая стоянка на расстоянии 250 метров. Четвертый, лазерный микрофон до окна достанет?

– Вполне.

– А если Слуга на улице?

– Балкон-то есть? Сложно. Микрофон выйдет на эту высоту. Но на такой высоте шумно. Ветер. Будут потери по инфе. Но я постараюсь, конечно.

– Стараться вы будете в другом месте!

– Виноват. Гарантирую запись должного качества.

– Далее... Загородный дом объекта. «Дом-3». Летом постоянно проживают жена и младшие дети: дочери. Сам бывает наездами. Раз-два в неделю. Чаше среда-четверг и один из выходных. Дача находится в зоне ответственности службы охраны. То есть она не на их балансе, но в том же районе есть федеральные объекты, и Дом-3 невольно попадает под их контроль.

– Они предупреждены об операции? – перебил Первый.

– Нет. И не могут быть предупреждены.

– Тогда данная локация выпадает из наружки.

– Документы прикрытия?

– Не сработают. Они засекут наши спецсредства. Со всеми вытекающими.

– Тогда при наружке ведете Слугу до границы ответственности службы охраны и ждете возвращения объекта. Будем надеяться, что интересующие нас вопросы будут решаться не там. Да и пребывание Слуги в «Доме-3», как правило, ограничено по времени и задачам. Исключительно дети... Ну, и другие локации... Фитнес в доме проживания. Первый этаж. Рестораны – изредка. Питание ведомственное. Спецменю. Стрелковый клуб – он его попечитель – в последние годы не чаще двух раз в неделю. Без точного расписания. Везде придется выставляться по ходу дела. Теперь пострадавший... Для оперативной связи «Купец».

Вот он-то знаком присутствующим: миллиарды, понятное дело. Шестая не сдержала улыбку:

– Работа с ним начата?

– Он готов сотрудничать.

– Дата и место встречи обозначены? – встрял Четвертый.

– Нет.

– Монтаж дополнительного прослушивающего оборудования требует времени.

– Понимаю. Но пока ничего конкретного.

– Наши полномочия? – поинтересовался Третий.

– Наблюдательные. При поступлении информации о месте и времени передачи денежных средств подключается следственный отдел. Ведем Слугу до момента ареста. Но непосредственно задержание не в нашей компетенции.

Третий кивнул и скрыл разочарование в манипуляциях с вернувшимся в руки ножом.

– С чем я работаю? Портативный СОРМ?² – подал голос Пятый.

– Разумеется. Бюджет операции свободный. Оплата по тарифу зоны АТО.³ Но и график работы ненормированный. Слуга ведется круглосуточно. Сон и прочее по сменам, на месте. Еще вопросы?

– Когда выставляемся? – Первый задал, как итог совещания, всем вопросам вопрос. Аглая закрыла обложкой кейса планшет:

– Сейчас.

Аглая вышла из конторы, села в машину, запустила двигатель, и, пока он прогревался, открыла поисковик на смартфоне. Набрала запрос: «Смартфон дешево». И выехала через КПП. Она, конечно, могла остаться и проконтролировать, как группа будет выставляться, но что-то ей подсказывало, что не надо этого делать. Погруженная в свои мысли, она раз за разом пропускала зеленый на светофорах, получая в спину порции надрывных сигналов, или проезжала его в последний момент. Тут уж доставалось от пешеходов: проклятья неслись ей вслед. Все это при относительно свободном трафике. Она снова и снова продумывала сложившуюся с вечера комбинацию действий. Нельзя было ошибиться ни в единой мелочи. Иначе свои же накроют при первом звонке или выходе в сеть.

На привокзальной площади Аглая оставила машину на стоянке. Зашла в магазин электроники. Почти не выбирая, указала продавцу-консультанту на модель смартфона и направилась к кассе.

Аглая не обманывалась в своих предположениях. В то время как она покупала смартфон, группа уже выставлялась у Дома-1. Четвертый закреплял сделанный в виде подголовника направленный микрофон, регулируя эквалайзер в ноуте.

– Скажи чё-нить... – дал он команду в рацию-гарнитуру.

² СОРМ – комплекс технических средств для организации прослушивания любых видов связи.

³ АТО – антитеррористическая операция.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.